

**Пресс-конференция на тему
«Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике»
6 июня 2013 года**

ВЕДУЩИЙ: Добрый день, коллеги. Сегодня мы проводим уже четвертую пресс-конференцию из шести запланированных перед собранием акционеров «Газпрома». Ее тема: «Стратегия «Газпрома» в электроэнергетике». Участник пресс-конференции — начальник Управления развития электроэнергетического сектора и маркетинга в электроэнергетике «Газпрома», генеральный директор компании «Газпром энергохолдинг» Денис Владимирович Федоров. Денис Владимирович, Вам слово для небольшого выступления, и потом как обычно вопросы.

Д. В. ФЕДОРОВ: Спасибо. Я постараюсь максимально кратко рассказать, учитывая, что материалы и презентация были всем розданы. Поэтому уделим большее количество времени вопросам, если они будут.

Наши производственные и финансовые результаты за прошлый год уже хорошо известны, мы неоднократно их представляли. Если сравнивать те результаты, которые мы достигли, с результатами 2008 года, то нам удалось прирастить выручку на 53%, EBITDA — на 221%, чистую прибыль — где-то на 716%. Показатели по выработке электроэнергии и тепла примерно одинаковые и колеблются, в основном, в зависимости от сезонных факторов и от стоимости энергии, которую мы продаем. У нас появились первые результаты за 2013 год — за I квартал, они также представлены в презентации. Пока эти результаты предварительные. Что по выручке, что по выработке электроэнергии и тепла, если сравнивать с I кварталом 2012 года, результаты у нас хуже, по EBITDA — нам удалось ее прирастить. Пока эти данные еще не совсем точные, они могут изменяться, но незначительно.

Про наши основные результаты мы неоднократно говорили, помимо производственных и финансовых, это выполнение нами инвестиционной деятельности. За 2012 год в рамках ДПМ (договоров о предоставлении мощности) мы ввели новый блок на Киришской ГРЭС номинальной мощностью 800 МВт, блок на Правобережной ТЭЦ ТГК-1, завершили выполнение проекта модернизации энергоблока на Новочеркасской ГРЭС ОГК-2 и ввели в эксплуатацию гидроагрегат на Лесогорской ГЭС ТГК-1. Также нам удалось завершить проект строительства Адлерской станции, которая предназначена для энергоснабжения олимпийских объектов, и на сегодняшний день она может нести нагрузку в 360 МВт.

Учитывая достаточно сложный 2012 год — там были достаточно неблагоприятные внешние факторы, сдерживание тарифов на электроэнергию и тепло — тем не менее, за счет введения различных программ по повышению эффективности, направленных на снижение затрат, в трех наших компаниях (ОАО «Мосэнерго», ОАО «ТГК-1» и ОАО «ОГК-2») нам удалось добиться достаточно неплохих результатов.

Этот год — 2013 — тоже сильно картинку не улучшил с точки зрения тарифных решений, которые принимаются регуляторами. Мы будем продолжать оптимизировать наши затраты в генерирующих компаниях, хотя мы находимся уже на уровне, когда дальше снижать их достаточно рискованно и сложно.

Могу сказать, что и в прошлом, и в этом году ведется работа по оптимизации топливного баланса. Нам удалось добиться подписания ряда новых контрактов. В том числе, по Сургутской ГРЭС мы подписали новый контракт и новое дополнительное соглашение с «Сургутнефтегазом», которое нам позволит в следующем году нарастить объемы потребления газа «Сургутнефтегаза», и добились дополнительной скидки на этот газ.

Заклучили контракт на закупку газа с «НОВАТЭКом» для «Мосэнерго». В течение ближайшей пары недель будет объявлен конкурс на часть газа, потребляемого ТГК-1. Надеемся, что независимые поставщики придут на конкурс и предложат нам на следующий год контракты примерно на 2 млрд куб. м — такую цифру мы будем выставлять на конкурс на 2013 год.

Кроме того, мы оптимизируем наши затраты по углю. Мы практически для всех станций нашли альтернативных поставщиков. Если раньше мы чаще всего были привязаны к одному поставщику, то сейчас, в связи с изменением мировой конъюнктуры на рынках угля, нам удалось добиться достаточно хороших результатов с точки зрения снижения его стоимости. Самый плохой результат — это сохранение контрактов на уровне текущего года на полтора года вперед; самый хороший результат — мы добиваемся, в том числе, 20-процентного снижения цен на уголь на ряде энергетических объектов. Эту работу мы ведем достаточно активно. У нас одна Новочеркасская ГРЭС пока осталась без нового контракта. Но мы завершаем конкурс, на этой неделе подведем итоги. Мы обратились в ФАС, мы считаем, что произошел сговор крупнейших компаний в Ростовской области — это «Донуголь» и ЮТК (ООО «Южная топливная компания») — они подали одну заявку. Мы обратились в Федеральную антимонопольную службу, чтобы она вмешалась в этот процесс.

Ничего, к сожалению, не произошло с точки зрения модернизации электроэнергетики, так никакая модель рынка и не принята. Мы оцениваем необходимость в обновлении мощностей примерно в 20 ГВт до 2020 года. В противном случае мы считаем, что значительная часть нашего оборудования (более 50%) к 2020 году значительно устареет, что будет нести в себе риски надежного энергоснабжения потребителей. Сейчас, как вы знаете, в Минэнерго и других регуляторах рассматривается несколько моделей, но пока однозначного решения нет. Недавно мы проводили заседание некоммерческого партнерства «Совет производителей электроэнергии» в Туле, где собиралась большая часть руководителей генерирующих компаний, были представители Минэнерго. К сожалению, достигнуть консолидированной позиции по модели, которая все-таки будет реализовываться, не удалось.

Достаточно большую претензионную работу ведем с нашими должниками. Если есть, условно говоря, узаконенные, в лице Северного Кавказа, Тувы, химпрома, где достаточно сложно вести эту работу, но, тем не менее, мы ее все равно проводим, то сейчас значительные силы мы бросили на работу с «Энергостримом». В случае, если наши долги не будут взысканы в рамках судебных процессов в Российской Федерации, мы готовы выходить и в суды иностранных государств, — мы знаем, где есть денежные средства, знаем, где есть имущество акционеров «Энергострима», — причем делать это будем в ближайшее время и делать это будет не только «Газпром энергохолдинг», но и ряд других энергетических компаний. Сейчас с нами, по заказу нескольких компаний, работает общемировая известная юридическая компания. Я думаю, что в течение двух-трех недель мы будем готовы обращаться с исками в иностранные государства.

В заключение хочу сказать: мы не ожидаем, что 2013 год для нас будет более простым. До сих пор, к сожалению, не знаю, принято или не принято решение насчет индексации по газу, какой она будет. Не секрет, что для энергетиков чем выше индексация цен на газ, тем лучше: эффективные мощности, которых у «Газпром энергохолдинга» достаточно много, учитывая большой объем инвестиционной программы, которую мы реализовываем, для нас, конечно, увеличат маржинальный доход на рынке электроэнергии. Если рост цен на газ будет незначительный, то мы потеряем доход. Мы не понимаем, какая будет индексация КОМа (конкурентного отбора мощности на оптовом рынке электроэнергии) в 2014 году — до 1 июня должны были быть озвучены эти цифры, но их нет. Будет ли индексация КОМа, не будет индексации КОМа... если реализуется пессимистический сценарий — индексации

КОМа не будет, а индексация тарифов на природный газ будет достаточно низкой — то мы ожидаем, что для Группы компаний это будет минус порядка 600–700 млн руб. в EBITDA (во второй половине 2013 года — в 2014 году), что отразится, в том числе, и на наших производственных результатах. Поэтому надеемся, что решения, которые будут приниматься, будут сбалансированными.

Можем перейти к вопросам.

ВОПРОС: Андрей Резниченко, агентство РИА «Новости». Вы рассматриваете расширение бизнеса за счет новых активов. Можете рассказать о новых активах, и подробнее — про усиление позиций на рынке сбыта тепловой энергии. Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Это не секрет, что мы никогда не отказывались от возможных проектов по приобретению энергетических активов. Сейчас мы ведем — говорили об этом неоднократно — соответствующую работу с рядом энергетических компаний. Наибольшего прогресса мы добились в наших переговорах по «Квадре». У нас подписано соглашение с «ОНЭКСИМом» (владелец контрольного пакета акций «Квадры»), и на сегодняшний день мы ждем решения Федеральной антимонопольной службы. Если ФАС выдаст удовлетворяющее нас решение, в котором не будут содержаться невыгодные для нас структурные или поведенческие условия, то мы будем осуществлять приобретение этой компании. Договоренности по основным условиям приобретения компании нами с акционерами «ОНЭКСИМа» достигнуты.

Второй проект, которым мы активно занимаемся, — это участие в приватизации компании МОЭК (ОАО «Московская объединенная энергетическая компания»). На сегодняшний день извещение о приватизации МОЭКа вывешено на соответствующем сайте, сделано соответствующее информационное объявление. Сейчас мы ведем работу с профильными департаментами «Газпрома», планируем ее завершить и передать материалы на Совет директоров «Газпрома», где мы опишем целесообразность участия в этой сделке, структуру сделки и все соответствующие моменты, которые требуются для решения Совета директоров. Будем просить согласовать участие «Газпром энергохолдинга» в приватизации МОЭКа.

Помимо этих двух основных проектов у нас есть и другие направления, по которым мы ведем работу. Но по этим проектам мы достигли наибольшего прогресса.

ВЕДУЩИЙ: Раз зашла речь о «Квадре», через интернет пришел вопрос от акционера «Квадры»: будет ли оферта миноритариям? Можем мы сейчас ответить?

Д. В. ФЕДОРОВ: Давайте сделаем две вещи. Первое — у нас еще нет приобретения «Квадры». И говорить об оферте рано. Это раз. Второе — мы все с вами знаем, что в Российской Федерации вышел федеральный закон об инсайдерской деятельности, по которому я отношусь к инсайдерам. Любое мое слово — «будем», «не будем» и по какой цене — приведет меня к достаточно печальным последствиям. Есть законодательство. Несомненно, любая коммерческая компания, в том числе Группа «Газпром энергохолдинг», стремится к оптимизации своих затрат, в том числе и на проведение обязательных оферт. Но все это в рамках правового поля: если будет оферта — значит, она будет; если структура сделки позволит нам не делать оферту — значит, мы не будем ее делать.

ВОПРОС: Екатерина Патрина, агентство «Интерфакс». Уточните как раз по поводу структуры сделки по «Квадре». Кто будет покупателем и в каких долях?

Д. В. ФЕДОРОВ: Я думаю, что здесь я могу это сказать. Скорее всего, из того, что мы сейчас подразумеваем, может быть несколько покупателей. Это часть денег со стороны «Мосэнерго», часть денег — со стороны «Центрэнергохолдинга», это наша дочерняя компания, на 99% принадлежит «Газпром энергохолдингу». Но это не окончательная структура. Пока мы видим это таким образом.

ВОПРОС: Александр Лифанов, газета «Комсомольская правда — Рязань». У меня несколько вопросов по Рязанской ГРЭС. Как долго еще станция будет недозагруженной? Она может работать лучше и больше, но за май выработали всего 20–30%. Отсюда же складываются и зарплаты и премии, которые идут от выработки. Это большой вопрос для такого градообразующего предприятия.

Следующий вопрос: с 1 апреля уже, по-моему, не только Рязанская ГРЭС, но и многие другие станции работают по измененному штатному расписанию. Проще говоря, прошло сокращение. Для Рязанской ГРЭС оно прошло более или менее безболезненно за счет пенсионеров и вакантных должностей. Но народ волнуется: будет ли вторая волна? И если да, то когда? Конечно, хотелось бы, чтобы Вы успокоили.

Ведется ли какая-то целенаправленная политика по уходу от предприятий-посредников в лице управляющих организаций, чтобы деньги за оплату шли напрямую производителю энергии?

И последнее: скажите, как, по вашему мнению, сработала Рязанская ГРЭС за текущий год? Пожелания, претензии к руководству и прочее. Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Спасибо. Как долго будет недозагружена станция — это вопрос не к нам, а к Системному оператору (ОАО «СО ЕЭС» — Системный оператор Единой энергетической системы России). Он каждые 10 дней выбирает те виды оборудования, которые будут включены в работу.

Вы знаете, что в центральном регионе постепенно вводятся новые атомные энергоблоки, мощность которых, естественно, ставится в базовый режим, поскольку в России они не подвергаются регулированию. А мы своими блоками, в том числе и достаточно большой мощностью, их, так скажем, резервируем. И Рязанская ГРЭС участвует как раз в резервировании мощностей АЭС, поэтому она в принципе никогда не сможет работать на полную мощность, всегда у нее будет в резерве находиться оборудование на случай, если что-то будет происходить с атомными мощностями, чтобы она могла поддержать баланс в системе.

По второй волне сокращений: в прошлом году, когда вели работу по анализу лучших практик, взяли официальные данные всех ОГК. Основная проблема, основной минус, который у нас был выявлен в работе — у нас достаточно большая численность людей на МВт установленной мощности. Мы по этому показателю занимали первое место с конца из всех ОГК, которые есть в России. Конечно, есть трехлетняя программа по оптимизации численности персонала, но, учитывая, что мы строим новый блок 300 МВт, я думаю, что Рязанскую ГРЭС это коснется меньше, и серьезных сокращений, конечно же, мы не планируем.

Что касается премий и вознаграждений, которые получают сотрудники электростанции: в случае, если станция будет работать в оптимальном режиме, то и премии будут более серьезными. Но мы считаем, что социальная защищенность работников наших генерирующих компаний достаточно высока. Во всяком случае, точно выше, чем у наших конкурентов. Не везде: там, где есть сетевые компании, где они включают все свои затраты в тариф, — там понятно, что они могут платить существенно больше и достаточно большие

деньги направлять на выплаты. У нас такой ситуации нет, наша фактическая цена формируется за счет спроса и предложения, поэтому мы, конечно же, понимаем свою социальную ответственность, но исходим из более реалистичных правил жизни.

Уход от предприятий-посредников. Рязанская ГРЭС производит не так много тепла для того, чтобы нам вести подобную работу. Все, что касается ОГК — там в общем объеме выручки тепла 1-1,5%. Хотя, несомненно, работа в ОГК проводится, у нас из года в год сокращается уровень задолженности за тепло от управляющих компаний и бюджетных организаций.

Наибольшая наша проблема, с которой мы сталкивались, — это Мурманская ТЭЦ. Там действительно у нас 4,5 млрд руб. долгов было по концу прошлого года при всей выручке станции в 4,5 млрд руб. Мы вели и ведем там целенаправленную кампанию, порядка 60% компаний перевели на прямые платежи, и нам удалось добиться значительного улучшения платежеспособной дисциплины в Мурманске.

Сейчас ухудшилась ситуация у нас в Санкт-Петербурге. Там достаточно тяжело с платежами, поэтому мы тоже думаем о внедрении новых биллинговых систем. И я думаю, что с этого года мы начнем работу с управляющими компаниями: выставление «платежек» напрямую, потому что мы не очень довольны, как в Питере работает ВЦКП (ГУП «Вычислительный центр коллективного пользования многоотраслевого комплекса жилищного хозяйства»). Надеемся в течение года-полтора значительно улучшить ситуацию.

Вроде, я на все вопросы постарался ответить, которые были заданы. Но в целом: на Рязанской ГРЭС идет строительство нового энергоблока, мы надеемся, что он в 2014 году будет введен в эксплуатацию. Станция находится в московском энергоузле, и это явно не та станция, где мы испытываем наибольшие проблемы. Станция хорошая, адекватная. Нам в этом году, в том числе по Рязанской ГРЭС, удалось добиться хорошей скидки по закупкам угля. У нас в конкурсе участвовало порядка пяти компаний, из которых три были прямыми поставщиками угля. По новому закону мы не можем никого отсеивать: если компания приносит подтверждение, что у них есть контракт на уголь требуемого качества, то мы обязаны ее допускать к участию в конкурсе. И в этом году прямой производитель — компания «Русский уголь» — выиграла конкурс, я считаю, на очень комфортных условиях для станции, примерно на два года. Это комфортно и для нас, и, я надеюсь, для поставщика. Поэтому надеюсь на улучшение финансовых результатов в этом году.

ВОПРОС: Мария Смолярова, газета «Аргументы и факты — Рязань». Вопрос вдогонку по Рязанской ГРЭС. Планируется ли продолжение реконструкции первой очереди на угольных блоках? И если да, то в какие сроки?

Д. В. ФЕДОРОВ: У нас инвестиционная программа ОГК-2 достаточно большая, нам ее нужно завершить. Мы ожидаем завершения ее основной части в 2015–2016 годах, после этого мы сможем говорить о новых инвестициях. Если же будет принята программа модернизации — понятно, что Рязанская ГРЭС — относительно молодая станция, если брать в целом активы, которые есть в Российской Федерации и не находится в зоне первого приоритета — но если программа будет принята, то мы со следующего года готовы начать проектирование модернизации ряда энергетического оборудования.

ВОПРОС: Анастасия Вайник, интернет-портал «Губерния Daily». Вопрос по поводу достаточно сложной ситуации с нашим Надвоицким алюминиевым заводом. В начале мая еще было сказано нашим главой республики, что вопрос может быть решен, если будет продана Ондская ГЭС, входящая в каскад Выгских ГЭС — это ТГК-1. Будет ли продана эта

гидроэлектростанция? И в общем скажите о ситуации по Карелии: какие возможны инвестиции, будут ли они в модернизацию ГЭС, потому что они все уже достаточно старенькие.

Д. В. ФЕДОРОВ: Действительно, ГЭС достаточно старенькие, и это важный вопрос, учитывая, что они приносят основной доход ТГК-1 — и в EBITDA, и в чистой прибыли. Понятно, что поддерживать в надлежащем состоянии ту курицу, которая несет золотые яйца — это приоритет номер один, и мы достаточно много делаем для ГЭС, расположенных не только в Карелии, но и в Ленинградской области, в Мурманской области. Есть большая программа, как только мы ее закончим — в 2013 году мы дореконструируем последние блоки — будем рассматривать дальше по возрастному составу оборудования, по необходимости модернизации.

Что касается ситуации вокруг Ондской ГЭС: мы считаем, что и так оказываем большую поддержку предприятиям РУСАЛа, расположенным, в том числе, в Республике Карелия, в Ленинградской области. Два года назад нами были заключены свободные двухсторонние договоры, которые по этому году для нас принесли минус 240 млн руб. Если смотреть на весь фонд заработной платы куста из этих трех заводов РУСАЛа, то там это не менее 50% от фонда заработной платы всех людей, которые на них работают. Было письмо на руководство страны с соответствующими резолюциями: «разобраться», «доложить». Было совещание в Администрации Президента Российской Федерации, по результатам которого были направлены соответствующие предложения, которые были согласованы Президентом Российской Федерации. В частности, мы считаем наиболее целесообразным вариантом для решения ситуации продажу Ондской ГЭС.

В сжатые сроки нами был заключен контракт с компанией Ernst&Young. Совместной рабочей группой подготовлены сценарные условия для того, чтобы нам с РУСАЛом не биться, как это происходило на ряде проектов, где тоже им были поручения купить станции — они по полтора года согласовывали сценарные условия, потому что сейчас никакие рыночные индикаторы не в состоянии показать реальную стоимость активов в электроэнергетике. Поэтому DCF-модель (модель дисконтированного денежного потока) — основной показатель, сколько денег приносит станция — умножается на какое-то количество лет, определяется стоимость актива и станция продается. И для того, чтобы нам не биться и не выносить на руководство разные подходы, была сформирована рабочая группа из представителей «Газпрома», РУСАЛа, Минэнерго, Минэкономразвития и «Совета рынка» (некоммерческое партнерство «Совет рынка по организации эффективной системы оптовой и розничной торговли электрической энергией и мощностью»). Понятно, что основную роль играли министерства, которые должны были выдать сценарные условия до 2025 года, исходя из которого оценщик проводит соответствующую оценку. Соответственно, в достаточно сжатые сроки — надо поблагодарить за это в первую очередь Минэнерго — выдали сценарные условия, и мы ожидаем к середине июня завершения работы. Ernst&Young выдаст нам отчет, который мы направим, соответственно, в РУСАЛ, в Минэкономразвития, в Администрацию Президента РФ, в Минэнерго, вынесем на совет директоров ТГК-1. Думаю, что у нас там с финскими коллегами (компания Fortum, акционер ОАО «ТГК-1») возникнут проблемы, но мы их будем решать. Есть соответствующие поручения руководства страны, мы будем их выполнять. Поэтому в середине июня мы ожидаем отчет оценщика, а дальше все будет зависеть от позиции РУСАЛа.

ВОПРОС: Эльвира Копылова, газета «Южноуральская панорама». Вопрос по Троицкой ГРЭС. Изначально планировалось строительство двух энергоблоков мощностью по 660 МВт.

Сейчас строительство одного энергоблока завершается, и хотелось бы узнать, когда и при каких условиях будет принято решение о возведении второго энергоблока.

Д. В. ФЕДОРОВ: Завершается — Вы сильно сказали. Насколько я помню, на конец 2014 года — начало 2015 года запланирован ввод электростанции в работу. Учитывая и те события, достаточно печальные, которые происходили с китайскими строителями, с разрушениями кранов и так далее, и тот факт, что в России никогда не строилось таких блоков — российская промышленность даже не делает подобного оборудования — 660 МВт — как не хотелось бы, но могут быть какие-то корректировки по срокам.

Что касается второго блока: сейчас мы выполняем инвестиционную программу ОГК-2, находимся на ее основном этапе, на пике инвестиций. Рассчитываем, что в 2015–2016 годах, когда мы введем значительную часть оборудования, у нас сильно подрастет ЕBITDA по компании, и мы будем располагать большим финансовым плечом. В этом году «Газпром» помог ОГК-2 и направил 20 млрд руб. на докапитализацию компании, для того чтобы она имела возможность продолжать реализацию инвестиционных проектов. После этого мы вернемся к этому разговору.

Несомненно, Троицкая ГРЭС, если бы она была в надлежащем техническом состоянии, была бы одной из станций-доноров. Но, учитывая не очень хорошее техническое состояние электростанции, к сожалению, у нас там месяц от месяца из-за разного включаемого состава оборудования приносит разные результаты.

По идее второго блока: мы с китайскими партнерами разговаривали, но это точно не раньше 2016 года. Хотя инфраструктуру мы создаем под два энергоблока. Это логично: мы достаточно большие деньги вкладываем в поддержание работы существующего оборудования, но там уже, честно говоря, проще строить новое. Но пока внешние факторы не позволяют нам увеличивать инвестиционную программу.

ВОПРОС: Марина Товканева, газета «Комсомольская правда» на Северном Кавказе. Вот хочу продолжить разговор об инвестициях, и Вы говорите, что проще строить новое. Я хочу замолвить словечко о Ставропольской ГРЭС в Солнечнодольске. Я знаю, что уже даже был готов, по-моему, проект по строительству двух энергоблоков. Какова ситуация, когда приступите к работе? Потому что Ставропольский край ну уж очень надеется запустить этот проект и пополнить бюджеты всех уровней. Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: По Ставропольской ГРЭС: действительно, она изначально входила в инвестиционную программу, одобренную РАО «ЕЭС России». Было завершено проектирование по станции, оно прошло главгосэкспертизу на два блока по 420 МВт. Но после достаточно серьезного анализа нами совместно с регуляторами было принято решение перенаправить эти блоки на те проекты, которые более востребованы в Российской Федерации. Ответить здесь могу только тем же, чем отвечал ранее: закончим инвестиционную программу и вернемся к рассмотрению проектов. Ставропольская ГРЭС находится в достаточно хорошем техническом состоянии. Я там был буквально неделю назад — хорошая станция.

ВОПРОС: Вера Волошинова, газета «Молот». Вы не так давно приезжали, скажем так, инспектировать строительство девятого блока на Новочеркасской ГРЭС. В связи с этим два вопроса.

Первый: как идут дела? К концу 2014 года войдет ли этот блок в строй?

Второй: работает-то этот блок на угле. И вопрос опять же о ваших отношениях с угольщиками. Если, не дай бог, опять не договоритесь с угольщиками, какие вы видите дальнейшие пути решения этой проблемы, потому что вы сами понимаете, что для девятого блока это вопрос принципиальный. Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Я в Ростов-на-Дону последнее время летаю, наверно, чаще, чем в любые другие регионы. Это связано и со строительством нового энергоблока, это связано и с нашей ситуацией с угольщиками. Блок строится, есть проблемы — котел с ЦКП (циркулирующим кипящим слоем), аналогов которого в России нет. Мы надеемся уложиться в сроки, но учитывая, что это достаточно сложный угольный блок, у него будет очень сложная наладка. Мы не исключаем для себя, что нам придется сроки продлить по вводу блока. Но опять же, в рамках тех грейс-периодов, которые у нас существуют.

Что касается ситуации с угольщиками: почему-то было достаточно распространено мнение о том, что в Ростове существует дефицит угля. Когда мы начали проводить конкурсы, нам говорили, что нужно брать все, что тебе предлагают, и закрывать глаза на все остальное. Могу сказать так: уголь крайне некачественный. Станция построена под калорийность угля 5800 ккал/кг, а работаем с 4800 ккал/кг в лучшем случае. Учитывая наличие гидроудаления, нам приходится дожигать некачественный уголь газом. То есть мы теряем весь экономический смысл от работы угольной электростанции. Конечно же, мы ориентируемся на тех поставщиков, которые поставляют наиболее качественный уголь, а на сегодняшний день, несмотря на стенания наших угольщиков, самый качественный уголь поставляют украинцы, хотя это тот же самый угольный разрез. В прошлом году мы заключили контракт с Украиной на достаточно небольшой объем — порядка 20% от потребления станции. Но мы его заключили со снижением соответствующей доли газа в топливном балансе, то есть российские угольщики не пострадали от заключения контракта нами с украинскими компаниями.

Наращивать долю украинского угля мы не собираемся. Но для нас уголь украинцев — с учетом того, что он более-менее равен по калорийности российскому, а по цене ниже — в целом, если учитывать все факторы, выходит на 20% дешевле, чем российский. Когда мы проводили конкурс, единственное, что сделали, это несколько снизили цену и предложили всем российским угольным компаниям в нее уложиться. Для них это лучше, чем тот контракт, который есть у Украины, а для нас хуже. Тем не менее, мы, понимая все социальные факторы, пошли на это и ввели коэффициент за некачественный уголь. К одной из шахт это не применяется, поскольку она находится в состоянии банкротства. Их нужно год поддерживать, там относительно небольшие объемы, и поэтому мы пошли на пролонгацию действующих соглашений с ними. В остальном у нас сегодня на конкурс заявок подали на 40% угля больше, чем нам требуется для электростанции. Есть уголь в регионе, есть возможность выбирать из поставщиков. Мы не опасаемся ситуации, что нам не хватит угля. Мы просто пытаемся договориться с крупнейшими компаниями, понимая, что за ними стоят 50 тыс. человек, но такое впечатление, что это нужно только нам. Я встречался и с руководителями, и с акционерами этих компаний — потому что 50 тыс. человек — это 50 тыс. человек — и пытался их убедить в том, что нам нужно договариваться. Пятилетняя динамика, которую в том числе мы предоставили в Минэнерго и в Администрацию Ростовской области, показывает, что мы росли по темпам прироста стоимости угля не то, что в коэффициентах ФСТ и Минэкономразвития, а намного больше. За 5 лет накопленный рост на уголь очень большой, гораздо больше всех этих коэффициентов, которые рассчитываются при установлении тарифов или при расчете самой дорогой генерации. И мы считаем, что на год-полтора теперь угольщики должны пойти нам навстречу. При этом, чем дороже уголь,

тем меньше загрузка электростанций. Нужно понимать, что мы работаем в конкурентной среде, и чем ниже будет цена, тем больше мы будем загружать энергоблоки. Я надеюсь, что здравый смысл возобладает, и мы все решим.

ВОПРОС: Ольга Квашина, Красноярская ГРЭС-2. Денис Владимирович, вопрос однозначный: судьба Красноярской ГРЭС-2. В этом году был экономический форум у нас в феврале, и электроэнергетике в регионе уделялось большое внимание. Несмотря на то, что на 50% это гидрогенерация, тем не менее, даже при среднем уровне водности наша станция востребована. А за последние годы коэффициент установленной мощности вырос на 30% и вот превышает уже 60%. Подстанция Камала развивается. Выход мощности есть. Бородинский уголь с хорошей калорийностью рядом. То есть нам нужно увеличение мощности. 1250 МВт мало, да. Нужно еще 410 МВт. Все условия есть, и работники станции надеются на план модернизации, что мы попадем в списки будущего развития.

И второй вопрос: сегодня день рождения Пушкина, день русского языка. Ваш любимый писатель? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Там не только Бородинский, там и Переясловский угольный разрез. Когда я говорил о том, что у нас есть возможность выстраивать конкурентные отношения, а не быть зависимыми от одной угольной компании — это, в том числе, относилось и к Красноярской ГРЭС. Благодаря станции Переясловский угольный разрез развивается, потому что раньше мы брали все 100% угля с Бородинского.

Красноярская ГРЭС — я согласен, что эта станция — один из доноров, наряду с Сургутской ГРЭС. Она работает с очень высокими экономическими показателями. Я не соглашусь с тем, что мы туда ничего не инвестируем. Мы там провели достаточно большую программу модернизации, в том числе электротехнического оборудования. Когда Саяно-Шушенскую ГЭС полностью введут и когда Богучанская ГЭС наконец заработает, и будут построены схемы выдачи мощности, мы считаем — даже не мы считаем, объективность такова, — что эффективность Красноярской ГРЭС все равно выше, чем большинства других станций, работающих на традиционных видах топлива. Мы будем одними из первых, кто будет попадать в баланс. Мы не ожидаем ни снижения выработки на этой станции, ни каких-то других проблем. С точки зрения экономики эта станция для нас очень важна, всегда она у нас в приоритете, мы вкладываем достаточно большие деньги в модернизацию существующего оборудования.

Строить новый блок или не строить? Ну, давайте посмотрим, как хотя бы два года отработают и Саяно-Шушенская ГЭС и Богучанская ГЭС, потому что это довольно большой прирост по относительно дешевой мощности. Еще раз говорю: среди всех станций, работающих на традиционных источниках в этом узле, конечно, Красноярская ГРЭС одна из лучших. Конечно же, будем ее поддерживать в надлежащем состоянии.

О. КВАШИНА: А любимый писатель?

Д. В. ФЕДОРОВ: Вы меня ставите в сложное положение, потому что как такого любимого писателя нет. Читаешь, чем-то увлекаешься, начинаешь читать, читать, читать... Можно, конечно же, называть какие-то банальности: Тургенева, еще кого-то. Я назову лучше поэта: вот мне Бродский больше всех нравится. А насчет писателей — это в зависимости от периода жизни и того объема, который ты читаешь.

ВОПРОС: Ксения Клочкова, интернет-газета «Фонтанка.Ру». Вы начали уже говорить про Петербург — собственно, про платежи и про программу, которая будет внедряться. Вопрос: можно ли конкретнее рассказать о самой программе? ТГК-1 начало банкротить несколько жилкомсервисов в Петербурге. Вероятно, это относится к пунктам этой программы?

И второй вопрос — про финансирование. У нас все рвется и рвется. Может быть, будет увеличиваться финансирование на следующие годы по ремонту труб? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Начну со второго вопроса. Теплосеть — большая проблема. Пять тысяч повреждений в год только на наших тепловых сетях. Это не то, что неудовлетворяющая — это критическая ситуация. С точки зрения наших вложений денежных средств: мы вкладываем в теплосеть денег больше, чем выручка у теплосети. Мы ежегодно, последние три года, по-моему, вкладывали туда по 4-4,5 млрд руб. На сегодняшний день с момента прихода «Газпрома» в акционеры ТГК-1 мы инвестировали порядка 18–19 млрд руб. в тепловые сети. Этого недостаточно. Мы считаем: для того, чтобы привести тепловые сети в порядок, необходимо вложить в них в течение 5 лет хотя бы 50–60 млрд руб. Вы понимаете, что на сегодняшний день источников нет. Тариф на тепло в Санкт-Петербурге на 30% ниже, чем в Москве. Практически вся тепловая генерация в Питере убыточна. ТГК-1 выдерживает только за счет гидрогенерации, расположенной в Мурманской, Ленинградской областях, в Карелии и так далее.

В этом году пока утвержденная инвестпрограмма — 2 млрд руб., но ничто не мешает нам ее скорректировать. Мы неоднократно обращались ко всем возможным регуляторам с тем, что ситуацию нужно менять. С разными подходами, с разными вариантами. Но мы понимаем, что даже при нынешних 4 млрд руб., которые вкладывались в последние годы, ситуацию не вытащить. Надо хотя бы еще 6–7 млрд руб. вкладывать.

У нас еще в ТГК-1 огромная инвестпрограмма, которую мы практически выполнили. Осталось только построить ЭС-1 (проект двух энергоблоков общей мощностью 100 МВт на электростанции-1 Центральной ТЭЦ Санкт-Петербурга), которую мы построим без привлечения средств ТГК-1, для того, чтобы дополнительно не нагружать компанию. Но все плюсы от ДПМ получит, конечно же, ТГК-1. Мы просто не понимаем, откуда взять источники денежных средств для того, чтобы инвестировать 50–60 млрд руб. в ближайшие 5 лет в тепловые сети для того, чтобы выполнить необходимый объем программы.

Эту позицию я, в том числе, озвучивал и на правительственной комиссии, и губернатору — на каждом совещании, практически на каждом межведомственном комитете «Газпрома» и города этот вопрос поднимается. Но пока решений нет. Вот мы принимаем решение по нетрадиционной энергетике, Правительство говорит: у нас будут ДПМ, мы увеличиваем долю нетрадиционной энергетике с 0,5% до 2,5% минимум. Вопрос: зачем в стране, богатой газом, богатой углем нам вкладывать гигантские деньги в строительство нетрадиционных источников. Европа вся отказывается потихонечку от нетрадиционных источников. В последние два года я очень часто езжу на все эти конференции, связанные с возобновляемыми источниками энергии. Вы бы видели на угольных станциях в Германии, используемых как резервные относительно нетрадиционных источников, в каком режиме они работают. Просто каждые два часа котел поднимают или останавливают. Для угольного котла это тихая катастрофа. Еще для газового маневренного оборудования это относительно нормально, а для угольной генерации это недопустимо.

Поэтому, с моей точки зрения, принимаются абсолютно неоднозначные решения, которые не поддержаны ни производителями энергии, за исключением «КЭС-холдинга» по понятным причинам, ни потребителями — и соответствующее письмо было направлено премьер-министру страны, где подписались все генераторы и все потребители, о том, что эта

история неоднозначная и должна обсуждаться. Тем не менее, эти решения принимаются в течение нескольких месяцев. А там, где решения очевидно необходимы, они могут так долго идти.

Я так эмоционально говорю потому, что это действительно проблема, люди гибнут, за этим стоят реальные человеческие судьбы. Многие получают очень большие ожоги. Это проблема.

Что мы делаем помимо того, что вкладываем деньги? В этом году отказались от того, чтобы не делать гидроиспытания, будем делать их летом. Мы знаем, что это многим не нравится, что это приводит к определенному дискомфорту с точки зрения получения горячей воды в летний период. Тем не менее, я считаю, когда мы будем продавливать целые участки, мы будем видеть наши проблемы. Лучше так, чем потом проводить такие испытания на жителях Питера в зимний период. Поэтому летом проведем гидроиспытания, найдем, я надеюсь, большую часть проблемных точек и будем над ними работать.

Что касается собираемости: к сожалению, она ухудшается. Есть большие долги бюджетных организаций, есть задолженность управляющих компаний. Мы будем банкротить тех, кого можем банкротить, и останавливаться на этом не собираемся. Мы видим ухудшение ситуации с собираемостью за тепло. В свое время долго вели переговоры с ВЦКП — это та организация, которая выставляет платежки примерно 70% управляющих компаний. Мы не понимаем, каким образом они их выставляют. У нас по большому объему задолженности находятся иски в судах, и большую часть этих судов мы выигрываем. Но мы теряем время, долги увеличиваются, иногда не с кого уже взыскивать, поэтому сейчас думаем над тем, чтобы для тех, кто не входит в ВЦКП, — это примерно 30% — создать собственную компанию, которая будет заниматься биллингом. У ТГК-1 накоплен опыт, как я уже рассказывал, по Мурманской станции. Человек, который в Мурманске занимался переходом на прямые контракты, сейчас этим занимается в Санкт-Петербурге. Будем вести работу.

Что касается всех денег: я неоднократно говорил всем соответствующим руководителям в Питере, что если перед ТГК-1 будут погашены долги бюджетных организаций, что находится в компетенции города, то все эти деньги будут направлены в теплотель на улучшение ситуации с теплоснабжением Питера.

ВОПРОС: Вячеслав Городецкий, информационное агентство b-port.com, Мурманск. Денис Владимирович, вопрос такой: есть ли какие-то интересы у «Газпром энергохолдинга» в Мурманской области по приобретению каких-то активов, может быть, по приобретению сетей и так далее. Потому что в регионе при избытке электроэнергии и при том, что есть Кольская атомная электростанция, электроэнергия очень дорогая. И электротельные либо дороги, либо убыточны. Прокомментируйте, пожалуйста.

Д. В. ФЕДОРОВ: Я с вами не соглашусь, что у нас тарифы на электроэнергию в Мурманской области высокие. Они самые низкие — ниже тарифы, по-моему, только в Иркутской области. Я других таких регионов не знаю, где такие низкие тарифы на электроэнергию. По теплу — я абсолютно согласен: мы близко подошли к некоему психологическому барьеру, за которым если тарифы повышать, люди просто не будут по ним платить. Это связано с тем, что у нас Мурманская область вся на мазуте или электротельных.

Честно говоря, пока выхода из ситуации, кроме дотаций со стороны федерального бюджета, я не вижу. Либо прямых — то, что сейчас осуществляется. Либо можно не прямые — то, что мы в свое время предлагали и достаточно активно обсуждали при Дмитрие Владимировиче Дмитриенко (губернатор Мурманской области в 2009-2012 годах), и при новом губернаторе. Это создание неких льготных тарифов. Там же всё на самом деле очень

просто: есть Кольская АЭС, ее все условно постоянные затраты уже включены в тариф. Нарращивание выработки на атомной станции фактически означает только улучшение ее экономики. Мы считаем, если бы на этот объем электроэнергии, который потребляют электрокотельные, ввести спецтариф, — что не принесло никому бы никаких отрицательных последствий, а принесло бы только пользу, с моей точки зрения, — и загрузить максимально эти электрокотельные, то можно было бы снизить мазутную составляющую в выработке тепловой энергии и несколько выровнять эту ситуацию. Но пока решений нет.

С точки зрения наших интересов в Мурманской области: ну я уже говорил о том, что там достаточно печальная ситуация с точки зрения и долгов, и всего-всего-всего, поэтому расширять наш бизнес мы не собираемся.

ВОПРОС: Екатерина Струкова, агентство «РБК». Я хотела задать такой вопрос: сейчас российские власти активно проводят политику по индексации тарифов на газ, то есть их снижение — как это вообще может отразиться на работе ваших компаний? И Вы заметили, что индексация тарифов на газ и индексация КОМа может как-то негативно сказаться на EBITDA. Я хотела бы узнать почему. Вроде как они снижаются. Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Мы видим, что достаточно большой объем нового оборудования, новых энергоблоков в структуре мощностей введен у многих компаний, в том числе у «Газпром энергохолдинга». Когда формируется маржинальная цена и когда достаточно высокая цена на топливо, те станции, которые работают в наиболее эффективных режимах и с наиболее эффективным топливным балансом, наиболее эффективным условным расходом условного топлива на выработку киловатт-часа электроэнергии, естественно, они получают больший маржинальный доход. Они эффективны, они получают больше денег. Поэтому чем выше цена на газ или на топливо, в среднем — каждая компания внутри себя может вести работу по оптимизации баланса стоимости, по поиску независимых поставщиков или еще какие-то варианты — тем мы больше зарабатываем на этих новых энергоблоках. И если цена на газ не будет сильно расти, у нас будет расти цена на новую мощность. Парадоксальная история: вы цены на газ не будете повышать или будете повышать в незначительных объемах, в этом случае по новым блокам наши доходы на рынке на сутки вперед снизятся, — а они же считаются как разница — и тариф на мощность вырастет. Поэтому здесь решение по индексации должно быть правильным.

По КОМу: если нам не проиндексируют КОМ хотя бы на уровень инфляции... вы знаете, что за последнее время его индексировали только 1 раз. Что такое КОМ? Это наши условно постоянные затраты, куда входят зарплаты сотрудников, ремонтные фонды. Так вот, если нам не проиндексируют КОМ хотя бы на уровне инфляции, то нам станет еще тяжелее.

Е. СТРУКОВА: А вы ждали снижения до 2013 года? Или на 2013–2014 годы?

Д. В. ФЕДОРОВ: Новые цены на КОМ будут с 1 января. То есть КОМ будет проводиться сейчас, а цена индексироваться — или не индексироваться — с 1 января. А с июля должна быть индексация и какие-то решения по газу. С 1 июля, естественно, при определенных тарифах на газ будут определенные ценовые сигналы на рынке. Я бы говорил о полутора годах, скорее. Половина этого года — частично мы эффект или неэффект получим — и следующий год — эффект или неэффект.

ВОПРОС: Тимур Архангельский, агентство Argus Media. Денис Владимирович, расскажите о ваших зарубежных проектах в Азии. Насколько я понимаю, всплывала информация о том,

что планируется строительство каких-то станций в Китае, если не ошибаюсь, в Корее и еще в Японии, насколько я помню. Какое топливо там предполагается использовать, если есть уже какие-то конкретные планы? Если газ, то чей, соответственно.

И второй вопрос. Тут на седьмом слайде есть пункт о возможном приобретении электроэнергетических активов. Вроде бы уже обговорили не раз, но, тем не менее — вот помимо тепловых активов, может быть, какие-то есть еще планы? Или все уже было сказано? Или сюда как раз входят какие-то зарубежные активы, может быть, в рамках развития ваших зарубежных источников генерации? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Буквально месяц назад был Совет директоров «Газпрома», где мы докладывали о результатах работы в электроэнергетике — как российской, так и по тем поручениям, которые были по европейской энергетике. По европейской энергетике мы пока пришли к выводу, что мы должны мониторить ситуацию, она не очень хорошая для традиционных источников — и для угля, и для газа. Она создана с большим уклоном в сторону нетрадиционных источников, и на сегодняшний день это невыгодно. Но, тем не менее, ситуацию мы мониторим, у нас там есть 2–3 проекта. Но пока они в большой степени не интересны для нас. Если говорить про европейские активы: мы продали в Литве Каунасскую ТЭЦ. Сделка была завершена несколько месяцев назад.

По Азии. Есть соответствующее поручение Совета директоров «Газпрома». «Газпром» выбран консультант на конкурсе, это Boston Consulting Group, мы с ними начинаем работать по Азии. Понятно, что мы будем работать по тем странам, куда планирует «Газпром» приходить со своим газом. Мы считаем, что азиатские рынки могут быть для нас достаточно интересными. Но отчитываться мы будем в конце года, поэтому надеемся до конца года закончить эту работу и понять, при каких условиях мы можем поучаствовать в энергетике азиатских стран.

По приобретениям в России. Те два проекта, которые были, я уже назвал: МОЭК и «Квадра». Мы ведем переговоры по другим активам, может, они менее крупные, но мы пока по ним не достигли договоренностей.

ВОПРОС: Анастасия Лырчикова, агентство Reuters. У меня как раз тоже в продолжение был вопрос. Вы говорите, что ведете переговоры с рядом российских энергокомпаний. Кроме «ОНЭКСИМа», кто сейчас что-то продает в России? Возможно, речь идет не о больших отдельных станциях, а о пакетах акций ваших дочерних компаний? Например, вы планируете у «Интер РАО» выкупить небольшие доли, например ОГК-2 — у них оставалось что-то?

И сразу задам второй вопрос по поводу ваших приоритетов до 2020 года. Сокращение долговой нагрузки ваших дочерних энергокомпаний — Вы могли бы привести общую сумму долга на сегодня, насколько она критична или не критична, способы погашения, этапы погашения? Может, что-то продавать будете, наоборот, а не приобретать. Потому что, возможно, это в какой-то конфликт с вашей целью покупок активов входит или, может быть, речь пойдет о том, что все покупки будет финансировать «Газпром», а не сами энергетические компании — его дочки?

Д. В. ФЕДОРОВ: По первому вопросу уже все, что я мог сказать, я сказал. Кто продает, кто покупает — это такой вопрос... Кто-то, не помню, говорил: то, что нельзя купить за деньги, можно купить за очень большие деньги. Рыночная экономика подразумевает под собой возможность как приобретения, так и продаж отдельных энергетических активов.

С точки зрения долговой позиции: я не скажу точную сумму долга, но по Группе «Газпром энергохолдинг» мы не выходим за 2,5 по соотношению долг-ЕВИТДА. Проблемы,

конечно же, существуют, в первую очередь в ОГК-2 — там очень большая кредитная нагрузка, большая инвестпрограмма. 20 млрд руб. «Газпрома» нам, конечно, сильно помогли, но мы надеемся на корректировку этих показателей за счет ввода новых энергоблоков и роста EBITDA до 2016 года, а дальше — планомерное снижение этих показателей. По «Мосэнерго» этот вопрос на сегодняшний день неактуален, то есть там достаточно низкие показатели — по-моему, на уровне 1,5–1,7, что для энергокомпании более чем комфортно. По ТГК-1 в целом показатель находится в районе 3 по году, но если мы будем смотреть квартальную отчетность, — а мы обязаны смотреть квартальную отчетность, — то во II–III кварталах, которые являются для компании самыми невыгодными, позиция подходит к 4. Поэтому для снижения долговой позиции по ТГК-1, учитывая, что мы завершили основной этап инвестиционной программы, ищем здоровый баланс между выплатой дивидендов и снижением кредитной нагрузки и, опять же, инвестициями в надежность. По ОГК-2 реализуем инвестпроекты, строим: думаю, что к концу этого года компания опять подойдет вплотную к показателю долг-EBITDA в 4. По «Мосэнерго» пока подобных проблем с высоким уровнем долга не наблюдается. По нашим ощущениям, мы считаем оптимальным отношение долга к EBITDA в наших компаниях на уровне 2,5.

По покупкам: все зависит от конкретной сделки. По «Квадре» мы сами реализуем проект. Без поддержки материнской компании.

ВОПРОС: Наталья Скорлыгина, газета «Коммерсант». Не могли бы Вы чуть-чуть подробнее остановиться на вопросе новой модели рынка. Вы рассказали о последних попытках найти консенсус. Хотелось бы понять, если зафиксировать текущую ситуацию, какие ФОИВы (федеральные органы исполнительной власти) что поддерживают, договорились ли вы хоть о чем-нибудь и возможна ли общая позиция по каким-нибудь вопросам? Выявились ли еще какие-то разногласия и каков шанс, что мы получим хоть какую-то новую модель в обозримом будущем? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: По ФОИВам: я слышал только позицию Минэнерго, они поддерживают так называемую «модель Удальцова» (Юрий Аркадьевич Удальцов — председатель наблюдательного совета НП «Совет рынка»). Комментировать ее, учитывая разное нами всеми понимание этой модели, достаточно сложно. Я могу сказать, то, что мы делаем — а это не только «Газпром энергохолдинг», в этом процессе участвуют и другие компании: представители Enel, E.ON и Fortum, — однозначно ту модель, которую делаем, поддерживаем мы и поддерживает ее «Интер РАО». По модели Удальцова: однозначно ее поддерживают СУЭК, КЭС и «ЕвроСибЭнерго». Остальные компании имеют вопросы — хотя мне некорректно говорить за другие компании, они и сами за себя могут сказать — и к нашей модели, и к той модели. Но я всегда отношусь к тем людям, которые говорят, что революционные изменения ни к чему хорошему нас не приведут в условиях того, что государство в любом случае будет регулятором, в любом случае будет вмешиваться и в техническую политику. Это его, с моей точки зрения, прямая обязанность. Все-таки мы социальная страна, мы холодная страна с точки зрения продолжительности отопительного сезона. Конечно же, тарифы на электроэнергию и, в первую очередь, на тепло будут достаточно социальными.

Модель, которую разрабатывает сейчас рабочая группа под руководством Юрия Аркадьевича Удальцова, при всем моем глубочайшем к нему уважении, несомненно, хорошая, но здесь мы расходимся в том, насколько государство захочет вмешиваться в эту модель. Если оно будет вмешиваться в ту модель, которую предлагают сейчас, в том числе Минэнерго, то для нас это будет означать гораздо более негативные последствия, чем даже

существующая модель. Несомненно, мы все понимаем, что нынешняя модель уже не в состоянии без каких-то докруток, вмешательств работать самостоятельно и формировать правильные инвестиционные сигналы в отрасли. Ее нужно менять. Вопрос — каким образом.

ВОПРОС: Елена Шестернина, газета «РБК-Дейли». Я бы хотела немножечко сузить вопрос Reuters: определена ли схема покупок и финансирования именно МОЭКа?

Д. В. ФЕДОРОВ: Схема финансирования МОЭКа может быть определена только Советом директоров «Газпрома», так как это относится к его компетенции. У нас есть предложения, мы их досогласовываем с профильными департаментами «Газпрома», у нас практически не осталось разногласий, но раскрывать ее я не могу, поскольку это является коммерческой тайной. Мы считаем, в конкурсе должен участвовать «Газпром энергохолдинг». Каким образом будет структурировано финансирование — это компетенция Совета директоров, а наше дело — вместе с профильными департаментами предложить эту схему.

ВОПРОС: Яна Лисицына, газета «Энергетика и промышленность России». У меня такой вопрос: очень часто сейчас звучит мнение, что, наверное, все-таки лучшая новость для энергетики — это отсутствие новостей. То есть хотелось бы уже прийти к какой-то ситуации, когда все обо всем договорились, и просто работать.

Я хочу задать вопрос про два закона, которые были приняты: о теплоснабжении и энергоэффективности. Как известно, они приняты, но работают достаточно слабо, потому что нормативные акты отсутствуют и, в общем-то, не до конца доработаны. Ваше мнение: когда всё, наконец, будет докручено-довинчено, и каким образом вы принимаете в этом участие, если ли какая-то возможность влиять на ситуацию? Ваш прогноз? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: О теплоснабжении: я являюсь участником подгруппы при правительственной комиссии, которая занимается теплом. Вы сами ответили на свой вопрос о том, что законы приняты, а «нормативки» очень мало. К закону о теплоснабжении планировалось порядка 40 нормативных подзаконных актов принять, а принято в лучшем случае восемь — и это за два года действия этого закона. Поэтому отдельные нормы, которые прописаны правильно, которые прописаны хорошо, — к сожалению, на сегодняшний день не действуют.

Когда мы до чего-нибудь договоримся? Как таковых серьезных разногласий у генераторов нет. И во многих ФОИВах тоже есть понимание, что единственно правильным механизмом регулирования тарифов на тепло — или цен на тепло, а не тарифов, — является переход к механизму альтернативной котельной. Но вопрос, как всегда, только в одном — в стоимости этой альтернативной котельной. В свое время Минэкономразвития озвучивало 1000 руб. за Гкал, но об этом нечего говорить: лучше оставаться с существующим тарифным регулированием, доказывать свой уровень затрат и соответствовать тем социально-экономическим параметрам, которые задает Минэкономразвития.

Если все-таки эта цена будет определена на основе сопоставления по разным регионам — по той работе, которую провел «Совет производителей электроэнергии», которую мы, в том числе, показывали в Минэнерго, по нашему пониманию — это 1800 руб. за Гкал. И в этом случае нужно переходить.

Однако по разным регионам: где-то, как в Мурманске, эта цифра превышена, в Москве достаточно близка, а в Санкт-Петербурге достаточно далека. Поэтому нужен механизм сглаживания: мы не можем сразу взять и в течение одного года поднять тарифы на величину от 5% до 40% по регионам, поэтому в каждом регионе нужно просчитать тот период, в

течение которого мы будем приходить к этой цене. На сегодняшний день мы делаем вместе с генераторами такую работу, она заказана по расчету социальных последствий именно по каждому региону: то есть где, в каком регионе, какая цена должна формироваться и в течение какого периода времени, чтобы это не было сильным социальным потрясением. Я думаю, что месяца за полтора мы эту работу сделаем и направим в правительство. Мы всё говорим, все всё понимают, но пока никаких нормативных актов не принимается.

Я рад, что в конце прошлого года были приняты все-таки методические рекомендации по расчету тарифов по теплу — это достаточно серьезная методика, она, конечно, находится в некоем конфликте с альтернативной котельной: если мы уйдем в альткотельную, там ее придется немножко корректировать. Но, тем не менее, даже то, что мы говорим о долгосрочных тарифах на тепло, о необходимости перехода к ним — это, я считаю, уже достаточно большой прогресс. Но предсказать время пока не могу.

ВОПРОС: Николай Хренков, журнал «Газпром». Два вопроса.

Первый — по Адлерской ТЭС: в связи с тем, что уже совершенно ясно — «Газэнергострой» строить ничего не будет, — какие у вас ожидания по работе Адлерской ТЭС, по КИУМу (коэффициенту использования установленной мощности) и, может быть, по выработкам тепла, особенно с учетом февраля следующего года — олимпийского?

И второй вопрос: Вы говорили, что у нас очень хороший пул инвесторов в электроэнергетике, в то же время мы видим, что в тепловой генерации есть инвесторы, которые либо не хотят, либо не могут достаточно эффективно работать. На ваш взгляд, следует ли ожидать изменения конфигурации рынка в ближайшие лет, может быть, 7–8, когда появится действительно несколько крупных, — трое-четверо, может быть, — качественных инвесторов, которые, собственно говоря, между собой поделят тепловую генерацию? Спасибо.

Д. В. ФЕДОРОВ: По Адлерской станции: мы тепло уже отдаем с сентября прошлого года, еще когда мы там только налаживали оборудование, когда было необходимо тепло. К сожалению, мы его действительно отдаем, правильно сказали — нет тарифов, поэтому тепло на проведение вот этих стартовых спортивных испытаний отдаем бесплатно. Надеемся на принятие тарифных решений, тем более что такое поручение со стороны курирующего вице-премьера Дмитрия Козака уже дано.

По КИУМу говорить очень сложно, потому что все оценки основаны на том, что в Олимпиаду будет пик. Будущий КИУМ оценивать крайне сложно, надеюсь, что все будет хорошо, если со стороны ФСК (ОАО «Федеральная сетевая компания Единой энергетической системы») и МРСК (ОАО «Российские сети», ранее — ОАО «Холдинг межрегиональных распределительных сетевых компаний (МРСК)») там все будет выполнено. Существуют очень разные оценки, поэтому посмотрим.

«Газэнергострой» — было понятно еще полгода назад, что все бравые заверения в том, что «мы построим Кудепсту» (Кудепстинскую ТЭС) — они, с моей точки зрения... У нас очень большой опыт в строительстве, за год построить электростанцию — это смешно.

По хорошему пулу инвесторов: у нас есть три европейских крупных консорциума, даже мировых: Enel, E.On и Fortum. У нас присутствует значительная часть крупных российских компаний, начиная от «Базового элемента», «ОНЭКСИМа» и «Реновы». У нас есть две крупных государственных компании: «Газпром энергохолдинг» и «Интер РАО». Сказать, в какой еще российской отрасли есть столько же инвесторов, достаточно сложно — это качественный набор инвесторов.

Что касается того, будет ли этот рынок перераспределен — все зависит только от тех моделей и тех сигналов, которые будут рынком выдаваться. Я думаю, что однозначно иностранные инвесторы останутся: они вложили много денег и в покупку этих активов, и в строительство новых генерирующих мощностей. Поэтому, я уверен, что они пришли сюда всерьез и надолго, и в ближайшие там 5–7–10 лет я не ожидаю того, что они выйдут из российских активов.

Что касается наших инвесторов: если мы каждый год будем находиться в такой же ситуации неопределенности, то российские инвесторы — и мы видим это — потихонечку начинают уходить. Не зря мы вели переговоры с «КЭС-Холдингом» об объединении, мы ведем переговоры с «Квадрой», есть другие проекты. Поэтому ту ситуацию, которая сейчас сложилась, желательно бы поправить, иначе мы действительно придем к тому, что у нас в отрасли будут иностранцы, и, скорее всего, «Газпром энергохолдинг» и «Интер РАО». И всё.

Н. ХРЕНКОВ: Хорошо.

Д. В. ФЕДОРОВ: Ну почему хорошо? Я считаю, что чем больше, в том числе частных, инвесторов, тем лучше для энергетики. Есть те вещи, с которыми мы справляемся лучше. Возвращаясь к ситуации с Ондской ГЭС: на совещании, которое проходило у Эльвиры Сахипзадовны Набиуллиной в Администрации Президента РФ, Олег Владимирович Дерипаска (Председатель наблюдательного совета «Базового элемента») рассказывал, каким эффективным инвестором в энергетику является «Газпром энергохолдинг» и что дополнительное снижение цен на электроэнергию для ГЭХа не несет никаких угроз. Это, наверное, первый раз в жизни, когда я доказывал, что не всё у нас так хорошо, как вы думаете.

ВОПРОС: Екатерина Патрина, агентство «Интерфакс». Денис Владимирович, можно уточнить по топливу? Вот вы говорили про конкурс на ТГК-1. До сих пор туда независимые поставщики поставляли газ или нет? Нет, да? То есть это будет первый.

Второе: вы собираетесь как-то увеличивать долю независимых по другим генерирующим компаниям, по другим энергообъектам, то есть привлекать еще?

И можно уточнить по зарубежным активам: Вы говорили про Европу, что не очень интересно, что мониторите 2–3 объекта, но, это я как поняла, про ГЭХ. Если говорить в целом о «Газпроме»: вроде как недавно всплывала тема бельгийской станции, которая сейчас принадлежит Enel, она актуальна? Ведете ли вы переговоры и собираетесь ли ее купить?

Д. В. ФЕДОРОВ: Переговоры ведет Департамент внешнеэкономической деятельности ОАО «Газпром» и «Газпром экспорт», поэтому этот вопрос лучше адресовать к ним.

По газу независимых: все будет зависеть от рыночной ситуации. Хороших предложений на рынке не так много. Заключать договора с независимыми до 2016–17 годов мы считаем нецелесообразным, не понимая, в какую сторону будет двигаться рынок газа. Если будут интересные проекты, предложения — материнская компания нам согласовала возможность заключения подобных договоров. Поэтому если будут предложения — будем наращивать, не будет хороших предложений — не будем.

ВОПРОС: Наталья Колосова, газета «Киришский факел». Вопрос о том, какова эффективность внедрения ПГУ-800 в прошлом году?

Д. В. ФЕДОРОВ: Хорошая эффективность внедрения ПГУ-800. Она в рамках ДПМ зарабатывает нам хорошие деньги. Поэтому мы довольны тем, что строили, строили и построили.

ВОПРОС: Марина Клайн, газета «Челябинский рабочий». У меня вопрос по Троицкой ГРЭС, в частности по золоотвалу, который находится в Казахстане. С 2018 года казахская сторона настаивает на полной рекультивации золоотвала. Где планируется тогда складировать отходы или после этого срока намечается строительство?

Д. В. ФЕДОРОВ: Казахстанская сторона регулярно настаивает на полной рекультивации золоотвала. Мы проводили с казахской стороной совместную работу и считаем, что возможности эксплуатации этого золоотвала есть и после 2018 года. Мы ежегодно осуществляем достаточно приличные инвестиции в то, чтобы поддерживать в нормальном состоянии этот золоотвал, поэтому думаю, что 2018-м годом его потенциал не может быть исчерпан. Другой вопрос в том, что это китайское оборудование — пробное в России, тем более такой мощности, решение о его строительстве принималось еще в РАО «ЕЭС России». Нас привлекали к обсуждению, понимая, что мы планируем покупать ОГК-2. Мы обсуждали, какой уголь можно сжигать в этих котлах, учитывая высокую абразивность и зольность казахстанского угля и то, что Китай не имеет опыта работы с такими сортами угля. Ну и мы видим по нашим поверхностям нагрева, каким образом работает Троицкая ГРЭС на данном виде угля.

Было принято решение о том, что блок проектируется под кузнечные угли. Нам бы хотелось верить, но наверняка нам придется решать вопрос именно с утилизацией золы с нового блока, потому что казахстанская сторона может действительно отказаться от его приемки. Но мы ведем большую работу с рядом компаний. Мы знаем, как в Германии станции работают вообще без золоотвалов: у них сухое золоудаление, и всю золу у них выкупают на десятки лет вперед. Понятно, что в российских реалиях такое сложно себе представить, поэтому менеджмент ОГК-2 разрабатывает предложения, потому что пуск нового блока не за горами: или он договорится с казахской стороной, или будем решать что-то на территории России. Ни первый, ни второй вариант нам фантастическим не кажется, думаем, мы сможем решить эту проблему.

ВЕДУЩИЙ: Денис Владимирович, спасибо Вам большое за потрясающие квалифицированные развернутые ответы. Пресс-конференция окончена.